

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ

THE INNER LIFE OF THE NEW JERUSALEM MONASTERY

N. Troshkina

Annotation

Regardless of the form of organization of the Monastery of the main purpose of the monastic life was the salvation of the soul for eternal life, the basic means – prayer and struggle with their own vices, and vows of monks included chastity, poverty and obedience. For the inner life of the Resurrection Monastery samples were coenobite Russian and Athos monasteries. Particularly significant for the New Jerusalem was a spiritual succession from the Holy Mount Athos. According to the regulations applied to cenobitic monastery. In coenobite monasteries all had in common: general clothing received from monastery warehouse, shared library, common meal, shared liturgical assembly and general labor.

Keywords: monastery, monk, life, society, management.

Трошкина Наталья Георгиевна
Учитель истории,
М.О. Истринский район
МОУ "Рождественская СОШ"

Аннотация

Независимо от формы организации монастыря главной целью монашеской жизни оставалось спасение души для жизни вечной, основными средствами – молитва и борьба с собственными пороками, а монашеский обет всех иноков включал целомудрие, нищету и послушание. Для внутренней жизни Воскресенского монастыря образцами служили общежительные русские и афонские монастыри. Особо значимым для Нового Иерусалима было духовное преемство от Святой горы Афон. По уставу монастырь относился к общежительному. В общежительных монастырях все было общее: общая одежда, получаемая с монастырского склада, общая библиотека, общая трапеза, общие богослужебные собрания и общий труд.

Ключевые слова:

Монастырь, инок, жизнь, общество, управление.

Во главе монастыря стоял настоятель в сане игумена или архимандрита (разнились по степени своего достоинства). Игумены избирались или самой братией, или назначались епархиальным архиереем [1].

До 1865 года настоятель управлял обителью самостоятельно, можно сказать единолично. В 1865 году указом Синода "для правильного монастырского управления и экономической части" был учрежден Собор в составе наместника, казначея, ризничего, благочинного и духовника [4]. Данный Собор ограничивал власть настоятеля в денежных и хозяйственных делах. Эти дела предварительно рассматривались на заседаниях Собора. Естественно, что все права власти и сохранились у настоятеля, но изменить состав Собора он был не в праве. Решать данный вопрос он мог только с привлечением Синодальной канторы. При отсутствии настоятеля вся власть переходила Собору. Деньги из ризницы и кладовых брались только в присутствии всех трех членов Собора, с записью в особую тетрадь, так же должна была проходить выписка из монастырских кружек. Расход значительных сумм, на ремонт или перестройку производился лишь с разрешения Синодальной канторы.

Настоятель имел ряд своих обязанностей. Он благо-

словлял и давал разрешения на начало и конец общих дел в обители – принятие пищи, богослужения, представлял в Синодальную кантору кандидатов в монахи. Одним словом, был "духовным отцом" для всей братии. Он должен был быть примером благочестия для всех иноков обители.

Наместник – первый заместитель настоятеля. Он же исполнял обязанности заведующего хозяйственной дея-

Ново-Иерусалимский Монастырь (фото Д. Газин)

тельностью. Ему подчинялись все вневедомственные сферы деятельности монастыря. Он нанимал рабочих, следил за ходом всех работ и ежедневно отчитывался настоятелем. Все монашествующие и рабочие со всеми своими нуждами обращались в первую очередь к нему.

Казначей заведовал всеми денежными средствами обители. Он выдавал жалование рабочим и монахам. Он покупал материалы для различных нужд и закупал товары в монастырские лавки.

Ризничий следил за чистотой церковной утвари в храмах и ведал монастырской ризницей, где хранилось все церковное имущество и монастырские реликвии.

Благочинный наблюдал за поведением братии и богомольцев и докладывал об этом настоятелю. "К богослужению инок должен был явиться в церковь, как только услышит "клепание", становиться на свое место, стоять чинно и не выходить из церкви до конца службы; особо приставленный старец должен был наблюдать за всем этим" [1]. Он надзирал за поведением всех монашествующих и богомольцев, и на трапезе, и в церкви, и в кельях.

Одним из самых опытных и уважающих старцев становился непосредственно духовником. Он исповедовал всю братию. Он был руководителем духовно-нравственной жизни обители. Иноки могли обратиться к нему в любое время. Конечно же, нередко между членами Собора и настоятелем могли возникнуть разногласия. Они касались хозяйственных вопросов. Поэтому нередко настоятели приглашались из других монастырей. Ведь в случае разногласий настоятель в большинстве случаев оказывался проигравшей стороной [3].

Низшие положение в монастыре выполняли послушники. Они выполняли самую тяжелую работу. Но даже после пострижения мало что менялось. В качестве монашеского "послушания" ему нередко поручалась та же са-

мая черная работа, которую он выполнял и прежде. Крестьяне, мещане, бывшие солдаты составляли косяк рядового, "рабочего" монашества. Выход из его массы начинался с возведением его в сан иеромонаха [2].

Каждый день начинался в обители с того, что за полчаса до благовеста будильный обходил кельи. Когда в церкви начиналась служба, все должны были быть на месте. О неявившихся и опоздавших, будильный сообщал настоятелю. Исключение делалось для занятых послушаниями, требующими отсутствия. Но присутствие у ранней литургии было обязательно во всяком случае.

Монахи и послушники занимали в церкви определенные места отдельно от народа. Воспрещалось без нужды озиаться и обращать внимание на прихожан. Никто из братии не должен был выходить из церкви до окончания богослужения (кроме случаев крайней нужды). В конце утрени монахи и послушники подходили к настоятелю для принятия благословения, а после повечерия – для прощения. По пути в церковь и из церкви не разрешалось останавливаться с посторонними и вступать с ними в беседу. Если кто-то из них о чем-то спрашивал, надо было ограничиться кратким ответом.

После богослужения братия шли к трапезе, которая начиналась и заканчивалась молитвой. Опоздание к трапезе и уход раньше времени считались беспорядком. В течение трапезы читались отрывки из поучительных книг или житий святых. Внимая чтению, монахи и послушники должны были сохранять безмолвие. Пища в монастырях употреблялась постная. Запрещалось брать пищу в келью. Лишь болезнь или глубокая старость могли быть причиной отсутствия на общей трапезе.

Время, свободное от монастырских обязанностей, монахи могли проводить в своих кельях, занимаясь молитвами, чтением душеполезных книг, упражнениями в

Ново-Иерусалимский Монастырь

церковном чтении и нотном пении.

Для совместного чтения назидательной литературы, особенно для неграмотных, монахи и послушники могли собираться в кельях друг у друга. Для малообразованных настоятель или кто либо из старцев должен был объяснить учение веры по катехизису и священную историю. Каждый послушник и молодой монах должны были иметь своего духовного наставника из числа старейшей братии. На старейшей братии лежала обязанность улаживать конфликты между монахами.

Выход кого-либо из братии, за монастырские ворота, разрешался лишь по уважительным причинам, и только днем, с возвратом в монастырь до вечерней трапезы. Послушники, молодые и не внушающие доверия монахи шли в сопровождении опытных старцев.

Настоятель должен был знать, кто из братии и с кем переписывается по почте. Он мог потребовать, чтобы письма были ему показаны. Найдя переписку бесполезной, мог распорядиться о ее прекращении [3]. Эти правила устанавливались во всех общежительных монастырях. Жизнь в обители не была спокойной и тихой. Характерна для обители и частая смена настоятелей. В основном настоятели менялись в обители каждые 2–4 года. Монастырь был своеобразным звеном для продвижения по карьерной лестнице.

Следует еще учесть и то что получив анонимное донесение или прошение, Синодальная контора проводила благочинное обозрение монастыря, в результате которых не раз выяснялось не правильное введение приходо-расходных книг и составление отчетности по ним. Постоянные доносы и близость Синодальной конторы делали свое дело.

Подчас взаимоотношения как внутри братии, так между братией и настоятелем достигали такого накала страстей, которые невозможно было бы представить в иноческой обители. Братия всегда живо интересовалась денежными и хозяйственными делами монастыря и ко

всем постройкам и приобретениям относилась крайне чувствительно и настороженно. Скорее всего, причина была в самих иноках, ведь если обитель богатеет, то и па-ломников больше и пища лучше. Отсюда и привлечение новых иноков в обитель. Миряне не шли в монахи в бедные монастыри. Они всегда малолюдны и не посещаются народом.

Настоятели в монастырь приезжали из других мест и не знали всех тонкостей и особенностей ведения монастырского хозяйства. Настоятели стремились проявить свою деятельность, оставить свой след в истории обители (а, может и выслужиться перед высшим начальством) в виде полезных построек или нововведений. Но зачастую, настоятели приступали к этому, когда еще были мало или совсем незнакомы с духом братии и действительными потребностями братии. И это приводило все к конфликтам внутри братии, которые заведомо были отрицательно настроены к преобразовательной деятельности своих настоятелей. Хорошими настоятелями считались лишь те, кто не затевал лишних построек и покупок, не отрывал рабочих людей для исполнения своих прихотей и затей. Братия хотела видеть настоятеля, который бы только осуществлял контроль и не вмешивался в хозяйственные дела обители.

Непосредственное духовное начальство монастыря, Московская Синодальная контора, находилась близко и всегда была возможность напрямую следить за внутренней жизнью братии монастыря. Синодальная контора проводила ревизии или обозрения, когда до нее доходили сведения о конфликтах и раздорах между настоятелем и братией. Как правило, подобные конфликты до общественного мнения не доводились, дабы не подорвать авторитет иноческой обители среди большого числа верующих.

В целом же, можно сказать, что все эти факты свидетельствуют об упадке монашеской жизни в XVIII–XIX веках. Иноки стали скорее заботиться о получении материальных благ, нежели о возвышении монашеской жизни и осуществлении аскетических идеалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1889. 717с.
2. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века. Коллектив авторов. – Монашество и монастыри в России XI – XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2002. 994с.
3. Найденова Л.П. Внутренняя жизнь монастыря, Коллектив авторов. – Монашество и монастыри в России XI – XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2002. 719с.
4. РГАДА ф.1201, оп.4, д.870, л.1.